

Глава I. СЕВЕРНАЯ АФРИКА

28 июня 1940

Вы хотите отдохнуть на Средиземном море? Чтоб настоящая Африка, пальмы, верблюды, дюны, древние руины, улыбчивые аборигены и экзотика на каждом шагу? Все хотят. Я хочу! Но есть нюанс.

Побережье Алжира прекрасное местечко. Немного сухоовато для курорта, зато тепло весь год. Море... О! Морские купания, великолепнейшие пляжи от горизонта до горизонта, чарующий шум прибоя. Шквалы добавляют перчинки, чтоб совсем скучно не было. Неприятности только от дующих из пустыни ветров.

Насыщенные песком и пылью, суровые воздушные потоки создают совсем не курортную атмосферу. Но много ли тех самумов? Берберы и колонисты как-то научились с ними жить. А моряки и персонал военных баз быстро привыкали. Те, кто здесь застрял, естественно. Все же климат куда здоровее, чем в экваториальных колониях. И куда полезнее для здоровья, чем на фронте, стоит уточнить.

У французских моряков, персонала Орана и недостроенной базы Мерс-эль-Кебир настрой преваляровал отнюдь не солнечный. Несмотря на прекрасную погоду, над всеми довлела атмосфера нуара. Над солнечным городом, голубым морем, желтыми песками, пляжами, причалами, кораблями в порту висела

печать поражения. Разгром. Капитуляция. Всё решили не сражения линкоров, не быстроходные, дерзкие и сильные крейсера, не стремительные опасные, как змеи, эсминцы, а фронтовая авиация и глубокие танковые прорывы.

Впрочем, на море тоже хорошего мало. Французы доминировали в своих зонах ответственности, но нестигаемым гордым правителям морей с Туманного Альбиона досталось по полной программе. И если бы немцы! Все хуже, за океаны дралась нация, ранее незамеченная в морских триумфах.

Потерпев жесткий разгром у Кипра, русские отыгрались на Архипелаге, а затем у безжизненных скал Фарер отделили флот метрополии, как Бог черепаху. Британская цитадель в восточном Средиземноморье Александрия опустела. В доках ремонтировался покалеченный русскими снарядами «Бархэм», да в гавани стояли «Уорспайт», пара крейсеров и несколько эсминцев. Над Египтом навис острый топор русских танковых дивизий.

На момент перемирия основные силы французского флота базировались в Тулоне. Новейший линкор «Ришелье» успел выскочить из Бреста и уйти в Касабланку. На корабле еще монтировали оборудование, боекомплект успели принять на полтора часа боя. Однако турбины крутили винты, на зенитные площадки поставили несколько автоматов и пулеметов, навигационные приборы работали. Люди вышли в море, понимая, что назад им дороги нет.

Авианосец «Беарн» на Мартинике получал новейшие американские самолеты. Возвращаться ему уже некуда. Недостроенный «Жан Бар» захвачен немцами в Сен-Назере. Несколько кораблей застряли в британских портах. Их судьба неопределенна, одно ясно —

британцы не выпустят из своих рук ценный приз. Сильная эскадра, включавшая четыре линкора, стояла на рейдах Орана и Мерс-эль-Кебира. Именно Африка рассматривалась флотским командованием как резервная база и плацдарм на случай отступления из метрополии.

Настроения на флоте в целом характеризовались непечатно. Тень поражения накрыла даже тех, кто был готов сражаться до конца. Матросы разбежались. Дисциплина хуже некуда. Среди офицеров царили упаднические настроения. Командование пребывало в растерянности. Последний приказ адмирала Дарлана немного улучшил обстановку, у людей на какое-то время появились цель и надежда. Увы. Не все и не везде озаботились его исполнением. А некоторых новые распоряжения командования прямо-таки шокировали.

Пятница 28 июня всё изменила. Мертвая затхлость штиля сменилась яростным шквалом потрясений. Условия капитуляции Франции, конфиденциальные предложения Санкт-Петербурга не стали секретом для Британии. И без того сепаратный мир пробил серьезную брешь в позициях морской империи, а тут еще такое!

Французские корабли в британских портах захвачены силой. Не обошлось без инцидентов и «незначительных жертв». Под последними понимались проломленные морпехами черепа французов. Уже готовящиеся выйти из Александрии «Лоррэн» и эсминцы принуждены к переговорам под дулами орудий «Бархэма». Французам повезло, адмиралу Каннингему не отказать в дипломатических способностях и редкой для англичанина талантливости уважать партнера, они смогли договориться.

Зато в Оране и Мерс-эль-Кебуре все оказалось гораздо хуже. В этот день к заливу подошла эскадра адмирала Сомервилла. Выдвинутый англичанами ультиматум больше походил на условия капитуляции. Формально силы равны, под британским флагом три линкора, авианосец, два дивизиона эсминцев. Фактически боеспособность деморализованных французов не идет ни в какое сравнение с готовыми драться бритами.

— Никогда не доверял островитянам. — Адмирал Жансульт повернулся к офицерам эскадры: — Надеюсь на всех нас. Объявить тревогу!

Французские корабли и так готовы сняться с якоря. Англичане пришли слишком рано. Уже через два дня эскадра и транспортный караван должны уйти в прорыв на Константинополь. Русские гарантировали французским морякам, членам их семей, колониальной администрации даже не сдачу на почетных условиях, а интернирование с возможностью выезда из России. Тулон заверял командиров эскадр в определенных договоренностях с бывшим противником. Это могло быть, но увы, не стало. Англичане успели первыми.

Британские линкоры как серые гранитные скалы резали волны на дистанции эффективного огня. Оптика директоров приблизила силуэты целей. Башни повернуты, углы открыты, снаряды поданы.

— Я не хотел выполнять этот приказ, но нам придется это сделать, — сэр Джеймс нахмурился и скрестил руки на груди, выслушав рапорт воздушной разведки. — Нет времени радировать в Лондон! Приготовиться к бою! Пусть каждый исполнит свой долг.

Линкоры «Прованс» и «Бретань» первыми снялись с якоря и двинулись в море. На них и обрушился огонь тяжелых орудий британских кораблей. Сомер-

вилл не стал дожидаться окончания срока ультиматума. Над водой гудели пятнадцатидюймовые снаряды «могучих стариков». На порт накатывались ударные звенья бомбардировщиков с «Арк-Ройала». Французы ответили прицельным огнем, в небе вспухли кляксы разрывов зенитных снарядов. К выходу с рейда рванулись крейсера и эсминцы.

Фортуна всегда на стороне больших эскадр и тяжелых орудий. Французам оставалось только погибать с честью, как когда-то русским при Цусиме и немцам у Фолклендов. От попадания в погреб взлетел на воздух «Прованс». «Бретань» горела погребальным костром, но ее башни вели яростный огонь по врагу. Получив два попадания, выбросился на мель крейсер «Марсельез». Бомбы «Суордфишей» поразили лайнер «Дакар» с гражданскими на борту.

Современные «Дюнкерк» и «Страсбург» энергично и небезрезультатно высаживали боекомплект. По крайней мере одного попадания они добились. «Страсбург» сумел прорваться в море, корабль шел через сплошную стену всплесков и разрывов.

Все изменилось в один миг. Пришли Большие Мальчики, в похожую на избиение драку вмешался новый участник. На британские корабли обрушились русские палубные бомбардировщики. Дюжина «Бакланов» с воем падала на «Резолюшен». Корабль закрыла стена близких разрывов, из пробоин в палубе вырвались языки огня. Воздушный патруль из четверки «Скьюа» в мгновение ока растерзали звенья скоростных «Сапсанов». Расправившись с заслоном, русские истребители атаковали возвращавшиеся с бомбежки «Суордфиши».

Запоздавшие к началу потехи «Рижане» разминутись с «Малайей» и атаковали дымящий на полнеба

«Резолюшен». Отстрелялись они удачно. Когда опали роскошные султаны взрывов, несчастный линкор глубоко осел, на нем задробили огонь. Команды живучести боролись с многочисленными затоплениями и пожарами. Скорость корабля упала, действовало только одно котельное отделение.

С мостиков кораблей хорошо разглядели молнии на крыльях самолетов. Адмирал Сомервилл не стал тратить время на выяснение обстановки, а распорядился разорвать огневой контакт, авианосцу готовить ударную волну, соединению отвернуть мористее. Последнее решение не самое удачное, англичане повернули как раз навстречу эскадре контр-адмирала графа Гейдена.

В конце июня обстановка в Средиземноморье благоприятствовала русским. Материковая Греция освобождена. Кипр захвачен комбинированным десантом. Британские гарнизоны на греческих островах блокированы. Крит превратился в ловушку, тюрьму для английского гарнизона. Русские механизированные и казачьи части стальным ураганом прошли по Месопотамии и Палестине, выметая гарнизоны и захватывая порты. Передовые отряды перепрыгнули Суэц. Державшиеся за Сирию французы сложили оружие.

Англичане вывели большую часть своих кораблей из Александрии, фактически бросив восточное Средиземноморье. Этому способствовали давление русских авиаполков берегового базирования и парализовавшие судоходство субмарины. Многочисленный итальянский флот хоть и не демонстрировал особой доблести и эффективности, но действовал самым фактом своего существования. Британскому командованию приходилось учитывать его в своих оперативных планах.

В таких условиях русская эскадра спокойно вышла из Дарданелл, приняла топливо у Сицилии и повернула на Оран. От контр-адмирала Гейдена требовалось только продемонстрировать «дипломатию больших калибров», подтвердить договоренности, сопроводить французов до зоны действия русской авиации и не допустить их ухода в итальянские порты. Петербург не собирался делиться с Виктором Эммануилом Третьим и его Муссолини своей законной добычей. Английская угроза рассматривалась как гипотетическая; по данным разведки, основные силы британского флота крейсировали в Атлантике. Соединение обороны Гибралтара не должно было представлять угрозы, по выкладкам планировщиков в Константинополе, разумеется.

Получив от своего начальника штаба предупреждение об интенсивном радиобмене в районе Орана, короткое сообщение радио с разведывательного гидроплана, Георгий Александрович распорядился дать полный ход и поднять самолеты с «Гангута».

События понеслись вскачь. Воздушный удар достиг своей цели, настал черед тяжелых орудий. Ровно через час после налета на радаре «Малайи» появились засветки от надводных целей прямо по курсу. Дистанция пятнадцать миль.

— Вот и чертов авианосец, — констатировал Джеймс Сомервилл.

Тем временем с палубы «Арк Ройала» уже взлетали первые «Скьюа» и «Суордфиши». Англичане не знали, что русские радиометристы следят за их маневрами уже пять минут. В башни «Босфора» и «Николая Первого» поданы первые снаряды. Стальные громады линкоров готовы к бою. Появившиеся на горизонте корабли ни для кого не стали неожиданно

стью, «Босфор» и «Малайя» дали пристрелочные залпы почти одновременно.

Шестнадцатидюймовые снаряды, каждый больше тонны закаленной стали и взрывчатки, обрушились на британцев. В качестве гарнира шли частые залпы многочисленных двенадцатидюймовок старого линкора. «Николай» хоть и считался устаревшим, но стволы орудий на нем перед войной заменили, а системы управления огнем поставили самые современные.

Артиллерийский бой — это всегда борьба шансов и вероятностей. Слишком много неизвестных влияет на траекторию полета снарядов. Статистика неумолима, но ее можно поправить техникой. Современные системы центральной наводки, баллистические вычислители сказали свое веское слово. К тому же «Босфор», пользуясь преимуществом в скорости, постоянно держался носовых ракурсов британских кораблей, тем самым уполовинив их огневые возможности.

Солнце клонилось к западу. Это и спасло соединение Сомервилла от полного разгрома. «Арк Ройал» с опустевшими ангарам и «Вэлиент» вместе с эсминцами ускользнули под покровом ночи. Сам адмирал погиб на мостике избиваемого тяжелыми снарядами горящего флагмана. Точку в агонии «Малайи» поставили торпеды «Злобного» и «Задорного». Спасшихся оказалось мало. Отставший от своих «Резолюшен» нашли и добили французские эсминцы. Так они отомстили за сгоревший почти полностью экипаж «Прованса».

Наутро русские крейсера встали на рейде Орана. В море в виду берега медленно проворачивали винты линкоры и авианосец. В бою «Босфор» получил два тяжелых снаряда, «Николаю» достался один. На боеспособности русских кораблей это не сказалось.

Под прикрытием дружественной эскадры французы спешно готовились к отплытию. Флот уходил. Избитый снарядами «Бретань» затопили. Вечером 29 июня корабли и караван транспортов вышли в море и повернули на ост. В Оране осталось только несколько ветхих сторожевиков и авизо с фатальным некомплектом экипажей.

За один день настроение французов кардинально изменилось. Лучшим аргументом оказались не русские гарантии, не увещевания Петена и Дарлана, а снаряды английских линкоров и истерзанные осколками тела женщин и детей на палубах несчастного «Дакара». Сам лайнер выполз из гавани на буксирах. Только в море команда смогла запустить турбины.

Граф Гейден проводил французов до Дарданелл. Там в виду береговых батарей его корабли приняли топливо с танкеров, пополнили боекомплект и легли на обратный курс. Опять мимо Мальты, вокруг Апеннинского полуострова. На этот раз целью служил Тулон. На адмирала возлагалась не сколь военная, как дипломатическая миссия.

Глава 2. ПАЛЕСТИНА

1 июля 1940. Иван Дмитриевич

Когда утро начинается с воплей муэдзина, это бодрит. Сразу хочется вскочить и поделиться зарядом энергии с ближними. Такое непотребство продолжалось трижды. По прошествии третьего дня нашлись мастера и блеснули инициативой и смекалкой. Поблизости от расположения батальона бухнуло, громыхнуло, с улицы донеслись вопли. Затем новоиспеченный фельдфебель Генералов доложил, что подозритель-

ный объект разминирован. По довольной физиономии ефрейтора Гитлера явственно читалось, что он принял в этом деле непосредственное участие.

— Мечеть разминировали полностью? — нахмурился капитан Чистяков. — Молодцы, но за тротил придется отписываться.

— Только минарет завалили, ваше благородие. Три бутылки аммонала. Можно списать на операционные нужды роты.

— Мулла и обыватели?

— Мы ж не звери! — Гитлер и без того красотой не отличался, а сейчас так оскалился, что детей пугать можно. — Всех аккуратно выгнали, ваше благородие. Муэдзина с минарета сняли. Мулле сделали внушение и спровадили.

— Как с ними быть? — Отпустив людей, ротный повернулся к Никифорову: — Стоит отвернуться, прям как дети малые, такое творят.

— Скажем, я сам уже собирался взять дежурное отделение и провести практические учения по сносу ветхих строений. Это уже уму непостижимо, как можно жить под такие вопли?!

— Аммонал спишем. Практические учения, говорите, Иван Дмитриевич? Давайте протокол обучения писать.

Иерусалим — удивительный город, целый уникальный мир. Иван Дмитриевич с другими офицерами при первой же возможности выбирался за ворота части насладиться прогулками по этому чудесному месту. Город в незапамятные времена построен евреями. Цивилизацию и городское хозяйство унаследовал от римлян. Впитал пылкий дух крестоносцев и сарацин. Местами получил отметины современности от англичан.

Судьба Иерусалима еще не известна, война идет, непонятно, как проведут границы, как нарежут зоны интересов после подписания мира. Однако среди офицеров и нижних чинов распространились убеждение, дескать государь закрепит Святую Землю за Россией. Раз его отец забрал себе Константинополь с Румелией и азиатскими берегами Проливов, то Алексею Второму положено наложить руку на Гроб Господень вместе с храмами, святыми местами и Иорданом.

Сам Иван Дмитриевич при этих разговорах отмалчивался, свое мнение держал при себе. Но как старый подрядчик уже заранее прикидывал объемы работ по реконструкции города, приведению его к требованиям российских положений и градостроительных уставов. Что ж, возможно, и стоит после войны обратить внимание, если казна и частные застройщики заинтересуются, заработать можно. Здесь бери и застраивай заново целыми кварталами, как в Константинополе в двадцатые годы.

Другой вопрос, кто будет жить в этом городе? После своего анабазиса по Палестине Иван Никифоров не был уверен, что эта земля привлечет русских колонистов. Вот собратья-сородичи ефрейтора Гитлера поедут. Но что тогда здесь получится: пригород Варшавы в окружении колорита Жмеринки и Бухары? Увы без русских русской эта земля не станет, но тогда и смысла в присоединении нет.

Рано или поздно все хорошее заканчивается. Оперативная пауза, связанная с переформированием 12-й мехбригады, подошла к концу. Непонятно, о чем думало командование, там своя логика, недоступная простым смертным, но понесшую страшные потери, разгромленную на Хаттинском поле легкую подвижную бригаду штаб фронта вдруг решил превратить

в штурмовую часть. Благо, спасибо полковнику Манштейну, сохранился костяк, к которому цепляли свежие батальоны.

Так, в Иерусалиме в штаб бригады явился молодцеватый капитан бронеходчик и с ходу попросил помочь с разгрузкой эшелона танкового батальона. И не простого, а тяжелого штурмового. Следом пришли два свежих батальона бронегренадеров. Петр Александрович грязно ругался, чесал в затылке, но спорить с начальством не каждому дано. Приходилось принимать все, что ему спускали из далекого Багдада. Как уже говорилось, все искупало то, что мехбригада в процессе формирования стояла под Иерусалимом. В стремительном рывке к Синаю, в форсировании Суэца участвовала моторизованная пехота, усиленная танковыми и бронештурмовыми батальонами.

История с мечетью успела забыться, нет, русские местных не обижали, но взамен требовали уважения к своей культуре и цивилизационным нормам. В один прекрасный вечер только Иван Дмитриевич вознамерился сесть и написать пару писем, как в дверь его комнаты постучали. Посыльный сапер сообщил, что «господина штабс-капитана через пять минут ждет господин подполковник». А уже через полчаса верный «Жук» высадил троих старших офицеров батальона у особняка, облюбованного штабом бригады. Совещание не затянулось, приказ получен, а как его выполнять, это уже и так всем давно известно.

Тяжелый танковый батальон грузили на железнодорожные платформы ночью. Новенькие штурмовые «Мастодонты» не отличались запредельным ресурсом. Завод гарантировал только марш в 500 ки-

лометров. Дальше требуется текущий ремонт, обслуживание, желательна замена фильтров, проверка трансмиссии. Разумеется, в прифронтовой полосе это не то развлечение, которое жаждут люди. Да и свои ремонтные части, не полноценный полевой завод, как в мехкорпусе. Вот еще одна ошибка кабинетных теоретиков.

Была одна дополнительная проблема, над которой Манштейн попросил саперов настоятельно подумать на марше, — «Мастодонт» весит 46 тонн. Штатные понтонные парки рассчитаны на технику до 20 тонн массой. Вот и решайте, господа военные инженеры, как будете этих красавцев через Нил перекидывать. В нижнем течении, разумеется.

— Что скажете, Еремей Сергеевич? — Иван Дмитриевич показал в окно на остановившуюся на обочине войсковую колонну. Длинная лента трехосных грузовиков, скучающие в тени машин солдаты, тягачи с гаубицами и тяжелыми пушками, несколько кургузых броневиков... Помощник комбата с переднего сиденья обернулся к офицерам.

— Пехотная дивизия. Меня больше волнуют совсем другие люди. Которые по небу ходят.

— Так из-за авиации наши паузу и брали. Надеюсь, не придется без «зонтика» драться.

— И еще меня очень сильно беспокоят плавучие. Знаете, в Александрии три линкора стоят и с десятков кораблей помельче, но калибры у них не чета нашим. Не хотелось бы.

В опасениях капитана Кравцова есть резон. Английский флот уже показал свою мощь, поддерживая огнем войска на берегу. Помнится, два наших полка моментально откатились от Яффы, когда над голо-

вами загудели снаряды с моря. И правильно сделали, все признают — тупо класть людей под обстрелом дурное дело.

Можно вспомнить недавнее неудачное сражение у Хайфы. Наши моряки прохлопали британское соединение. В результате крейсер «Линдер» и эсминцы вышли на русский конвой. Эскорт сделал все, что мог. Два эсминца и два сторожевика погибли, защищая транспорты. Увы, особого урона противнику они не нанесли, а русская крейсерская бригада подошла слишком поздно.

— Что-то помнится, наши моряки после Кипра тоже стесняются свои линкоры южнее Архипелага выводить.

— Они же не дураки! — Кравцов щелкнул пальцами. — Они с берега работают. Вон, спорю, это тот самый морской полк идет.

— Не скажите, сегодня же утром Григорий Петрович доводил до сведения итоги сражения под Ораном, — включился в разговор поручик Гакен. В разговорах он в последние дни участвовал мало, чувствовалось, человек несколько обиделся, что его обошли с повышением. Однако сейчас не удержался.

Капитан показал в окно на силуэты под облаками. Достаточно крупная стая стальных птиц тянулась к югу.

— Одномоторные самолеты, если не путаю. Может, фронтовые пикировщики?

— Не похоже, обтекатели фонарей отличаются и силуэт другой.

Хотя сам Никифоров спорил порядка ради из спортивного интереса. На его памяти «Бакланы» для поддержки войск использовались редко. Скорее всего действительно флот, несколько полков берегового

базирования в последние недели перелетели в Палестину. Как всегда, сведения секретные, но все всё знали. Иван Дмитриевич имел свое мнение о моряхах, но предпочел промолчать. В армейской среде частенько встречалось снисходительное отношение к флотским, в части успехов средиземноморцев оно имело под собой основание.

На этот раз марш штабные гении проработали добротнo и даже организовали. Шли по графику, на маршруте обошлось без заторов и накладок. В обед батальон остановился у заранее развернутого пункта питания. Пока саперам накладывали кашу с мясом и сухофруктами из полевых кухонь, Никитин поспешил обрадовать своих офицеров свежей вестью.

— Возможно, нас опять вернут в 3-й мехкорпус. Танкисты спешно перебрасываются на юг. Буквально на пятки нам наступают.

— Возможно все... — Недавно вернувшийся из госпиталя поручик Аристов широким жестом показал на машины вокруг. — Земляки целый месяц долбили в позиции французов. Злые должны быть как черти.

— Зато у них потери не как у мехбригады.

— Ослабьте, Петр Иванович, — сказал Чистяков, зыркнув на Гакена, — один раз получили по зубам. Бывает. На прошлой войне куда хуже приходилось.

— Там и противники были серьезнее.

Иван Дмитриевич быстро ушел от разговора. Вдруг вспомнилось, каким оптимизмом он сам светился под прошлое Рождество. Ну да: «Кто меня будет в армии держать!» Все же Иван Антипович опоздал со своим предложением, сам он сейчас наслаждается простой интересной работой — по речкам плавает, по горам лазает. Шурфы роет.